

Вернувшись в опочивальню, Чжоу Це подобрал лежавшую у изголовья вещицу. Он некоторое время пристально разглядывал её, прежде чем решился развернуть.

Но не успел он расправить листок, как из глубины кровати раздался сонный, едва слышимый голос:

— Муж мой, отчего ты сегодня поднялся в такую рань?

Говорила Тан Ши, супруга Чжоу Це. Они жили душа в душу вот уже восемь лет и за всё время ни разу не повздорили. И хотя Тан Ши не отличалась выдающейся красотой, её кроткий нрав и редкое умение управляться с делами превратили поместье Чжоу в образец порядка. Она прошла с мужем весь путь — от мелкого чиновника до главы Дали-сы. Единственной печалью их союза было отсутствие детей.

Чжоу Це, спрятав записку в ладонь, склонился к жене и нежно коснулся губами её волос.

— А-У, возникли срочные дела в приказе, нужно быть на месте пораньше, — прошептал он. — Не вставай, поспи ещё.

Тан Ши что-то невнятно пробормотала и, одолеваемая дремотой, мгновенно провалилась в сон.

Чжоу Це выпрямился и подошёл к окну. Пользуясь скудным предрассветным светом, он внимательно перечитал послание, после чего спрятал его в тайник. Быстро умывшись и одевшись, велел подавать экипаж и поспешил в Дали-сы.

Стража у ворот, немало удивившись столь раннему визиту начальника, низко поклонилась:

— Господин Чжоу.

Тот лишь нетерпеливо махнул рукой и направился напрямик к хранилищу вещественных доказательств.

Там, под надёжной охраной, находились ключевые улики: ваза Мэйпин с небесно-голубой глазурью и белым бамбуковым узором, изъятая из покоев Янь Сюня, и белый фарфоровый флакон. Последний, согласно показаниям Ван Шу, содержал яд, который Янь Сюнь передал Лю Юаню для убийства наследного принца Янь Юя.

Лишь когда три навесных и один потайной замок поддались, тяжелая дверь хранилища со скрипом отворилась.

Чжоу Це подошёл к вазе. Расстелив на столе белоснежный платок, он осторожно высыпал на него немного порошка из Мэйпин. Затем, взяв другой лоскут ткани, проделал то же самое с

содержимым фарфорового флакона.

Положив платки рядом, он принялся их изучать. На первый взгляд порошки ничем не отличались: ни цветом, ни размером крупинок. Он склонился ниже и осторожно понюхал их. Опасаясь случайно вдохнуть отраву, он действовал предельно аккуратно. Спустя мгновение Чжоу Це выпрямился, и он посуровел.

Запахи были идентичны.

А ведь в записке говорилось, что яд могли подменить.

Погружённый в раздумья, Чжоу Це завязал платки узелками и спрятал на груди. Покинув хранилище, он велел доверенным людям не спускать с двери глаз, а сам сел в экипаж и отправился ко двору.

После утреннего совета он направился в Императорскую лечебницу. Чжоу Це намеренно избегал лекаря Лю — именно тот проводил первичную экспертизу и заключил, что яды в обеих ёмкостях одинаковы. Однако существовала вероятность, что Лю подкупили. Чтобы исключить ошибку, Чжоу Це решил сначала обратиться к лекарю Нину.

Тот, завидев главу Дали-сы, формально поклонился и вернулся к своим травам.

Чжоу Це разложил перед ним платки и, понизив голос, произнёс:

— Господин Нин, будьте добры, проверьте, совпадает ли состав этих порошков.

Нин, человек от природы осторожный, лишь мельком взглянул на гостя и снова опустил голову.

— Для чего это нужно?

— Это связано с одним из важнейших дел, которые я сейчас веду, — настаивал Чжоу Це. — Прошу вас, помогите.

— Уж не о деле ли наследного принца речь? — Нин осекся, не смея продолжать. Заметив подтверждающий кивок, он вздохнул: — Хорошо. Дайте мне полчаса.

— Я подожду, — Чжоу Це замер рядом, не отходя ни на шаг.

Ровно через полчаса лекарь Нин вынес вердикт:

— Эти порошки абсолютно одинаковы. Это смертоносный яд, крайне опасный.

— Скажите, — спросил Чжоу Це, — если человек примет его, будет ли он харкать кровью?

— Боюсь, он изойдет кровью до последнего вздоха, прежде чем испустит дух.

— А кто из лекарей осматривал Его Высочество наследного принца?

— Лекарь Лю, — вполголоса ответил Нин.

Поблагодарив его, Чжоу Це всё же разыскал Лю.

Тот, проведя осмотр, подтвердил:

— Состав порошков идентичен. Более того, именно этот яд был обнаружен в теле Его Высочества.

Чжоу Це пристально, с едва заметным прищуром, оглядел лекаря Лю и вежливо улыбнулся:

— Благодарю за труды.

Покинув дворец, он велел кучеру гнать в Дали-сы. Однако, не доезжая до ворот Дали-сы, Чжоу Це услышал душераздирающие крики. Выглянув из окна, он увидел пожилую женщину, распростёртую на камнях. Она рыдала, согнувшись так сильно, что её лоб почти касался земли. Рядом с ней безмолвно преклонил колени старик, время от времени сокрушённо похлопывая её по спине.

«Кричат так, будто настал конец света, — подумал Чжоу Це. — Не иначе как стряслась великая беда».

— Быстрее! — крикнул он вознице.

Экипаж остановился у самого входа. Чжоу Це поспешно вышел и помог старухе подняться.

— Почтенная, что случилось? Какое горе привело вас сюда?

Лицо женщины было залито слезами, которые терялись в глубоких морщинах, делая её облик бесконечно жалким. Её была мелкая дрожь. Она пыталась что-то сказать, но из горла вырывались лишь нечленораздельные, хриплые звуки.

Старик, находившийся рядом, с глубоким почтением совершил земной поклон перед Чжоу Це, тяжело ударившись лбом о землю. Когда он поднял голову, на коже зияла рана, из которой сочилась кровь, смешиваясь с дорожной пылью и заливая его и без того безобразное лицо.

Не обращая внимания на боль, он взмолился:

— О, господин судья, восстановите справедливость! Сжальтесь над стариками!

Чжоу Це велел страже немедленно позвать врача для старика, а затем снова обратился к ним:

— Какая несправедливость вас постигла?

Тут старуха наконец обрела голос и истошно закричала:

— Янь Сюнь! Второй принц Янь Сюнь убил моего сына!

Услышав имя принца и столь прямое обвинение, Чжоу Це вздрогнул. Поняв, что дело принимает скверный оборот, он жестом подозвал подоспевших стражников:

— Уведите почтенных в дом. Живо!

Негоже было проводить дознание на улице, где на крики уже начали собираться досужие прохожие.

Когда стариков усадили в гостевой зал, а стража удалилась, Чжоу Це, уже догадываясь об ответе, спросил:

— Как звали вашего сына?

— Лю Юань! — вскричала женщина. — Мой мальчик, Лю Юань, что служил подле наследного принца! Вчера этот выродок Янь Сюнь погубил его!

«Значит, всё-таки Лю Юань!» — пронеслось в голове у Чжоу Це.

Вчера тот принял яд, так и не сознавшись в тайных встречах с Янь Сюнем. Но если его действительно убил принц, значит ли это, что отравителем на самом деле был Янь Сюнь?

Приняв озадаченный вид, Чжоу Це спросил:

— Ваш сын служил Его Высочеству наследному принцу. Как же он мог перейти дорогу Второму принцу?

Старуха зашлась в рыданиях:

— Мой мальчик... он сделал это только ради нас, стариков!

Она захлебнулась слезами, но всё же выдохнула:

— Этот злодей Янь Сюнь задумал погубить наследного принца и хотел подкупить моего сына. Но Лю Юань был верен своему господину и наотрез отказался! Тогда Янь Сюнь... этот зверь стал угрожать нашими жизнями! Моему мальчику ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Вчера мне показали его тело, но никто не сказал, отчего он умер! Не позволили даже забрать его домой! Я думала, мой сын пал, защищая принца, но когда я стала собирать его вещи... я нашла это!

Дрожащими руками она выхватила из-за пазухи скомканный листок и протянула его Чжоу Це.

— Молю вас, господин Чжоу! Добейтесь правды! Пусть голову этого Янь Сюня отрубят и принесут в жертву духу моего несчастного сына!

Казнить Янь Сюня? Смерть за смерть? Чжоу Це невольно покачал головой. Старуха была слишком невежественна, чтобы понимать законы: даже если вина Второго принца подтвердится, пока наследный принц жив, жизни Янь Сюня вряд ли что-то угрожает. Гуйфэй Хань сейчас в милости, а её племянница, недавно получившая титул благородной дамы, осыпана дарами. Даже если Император Вэнь разгневется, влияния семьи Хань хватит, чтобы уберечь принца от плахи. В худшем случае всё закончится казнью Сяо Юэбая — его наставника — в назидание прочим.

Чжоу Це развернул измятую бумагу. Это было предсмертное письмо. В нём Лю Юань в подробностях излагал, как Янь Сюнь принудил его к преступлению, как он, сгорая от стыда и страха, подсыпал яд в питьё наследного принца. Заканчивалось послание словами прощания и мольбой о прощении у родителей за то, что не смог отплатить им за их доброту.